

УДК 111.1:1; (091) (44): 141.131; 502.12:1

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА: ФИЛОСОФСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Мартынович Сергей Федорович — доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: sfmart@mail.ru

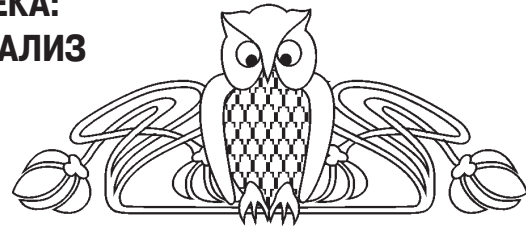
Орлов Михаил Олегович — доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: orok-saratov@mail.ru

В статье проводится анализ философских понятий, обращенных, в конечном счете, на познание человека. Историко-философская мысль пытается осмыслить и выразить в языке парадоксальную природу человека, сущность личности как бытия человека в мире. Человек — существо, характеризующееся дуализмом титанического и дионисийского начал, единством души и тела. Устанавливается, что в философском дискурсе человек понимается как существо разумное и политическое, деятельное и продуктивное, несамодостаточное и нуждающееся в другом субъекте, природное, социальное и личностное. Всё это свидетельствует об антропном единстве бытия и небытия, природной и культурной реальности. Базовыми категориями европейской философии для описания бытия человека в мире оказываются непрерывное становление и творчество. Исторически конкретное философское учение, познавая человека, конструирует его образ, норму и идеал, они соответствуют конкретному обществу и культуре в ее наличном бытии. Поэтому культура не владеет представлением о человеке как таковом, но хорошо знает конкретный исторический, ценностный, научный и правовой образ субъекта, который раскрывается в нормах, идеалах и ценностях. Как показывает проведенное исследование, в переломные и катастрофические периоды жизни социума происходит разлом исторических способов бытия человека, возникает неизбежность переоценки всех ценностей, образа человека в истории культуры. В этих условиях философы, осмысляя многомерного человека в пространстве многомерной рациональности, не могут позволить себе игнорировать ни один элемент человеческого опыта, элиминируя его из поля своего интеллектуального рассуждения. Философское понимание человека задано конкретной культурой и, следовательно, ценностно ориентировано в двух отношениях: в аспекте бытия и в аспекте познания.

Ключевые слова: онтология и теория познания, аксиология бытия человека и общества, история западной философии, социальный анализ современной цивилизации.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-398-404

Жизнь человека, социальных общностей, человеческого рода проблематизирована. Человек рождается и становится, развивается и умирает. Изменение — признак бытия человеческого индивида и рода. Существуют ли варианты, определяющие, направляющие и ориентирую-

щие человека, социальные общности, человечество в их жизни и деятельности?

Своеобразным релятивным инвариантом человеческого бытия оказывается производство и потребление, обмен товаров и движение капитала, язык и мышление, ценности и нормы, синтезированные в исторически определенную культуру. Релятивность надындивидуальных эволюционирующих инвариантов жизнедеятельности человека, сбои, возникающие в культуре, распад социальных общностей, нарастание проблем, переживаемых человеком на рубеже тысячелетий, — все это и многое другое побуждает обратить особое внимание человека на самого себя, задуматься о своей природе, о ее действительности и ее возможностях.

Проблематизация человеческого бытия инициирует человека не только к самопознанию, но и к творчеству. В условиях проблематизации бытия и сознания ценности жизни — самопознание и творчество — рассматриваются как императив, «веление времени». Установка культуры на познание человеком самого себя — величайшая из творческих задач, её осмысление — дело философии, которая формирует для этого специальный язык: в нем находится место для понятий, обозначенных словами родного языка, но их смысл оказывается не очевидным.

Все понятия философии обращены, в конечном счете, на познание человека: бытие — небытие — мышление, сознание — материя, дух — природа, культура — натура, телесность — душевность — духовность, абстрактное — конкретное, я — не я — другой. Философская мысль есть усилие человечества осмыслить сверхмыслимую, выразить невыраженную, понять парадоксальную природу человека, сущность личности как сверхкультурного бытия человека в мире.

Какие свойства человеческой природы находятся на горизонте очевидностей теоретически подготовленного (запрограммированного?) человека? На этот вопрос отвечает история философской мысли. Он — существо, характеризующееся орфическим дуализмом титанического и дионисийского начал, пифагорейским дуализмом

души и тела. Человек в изысканиях философов понимается как существо разумное и политическое, деятельное и продуктивное, конкретное в своей телесно-душевно-духовной определенности, несамодостаточное и нуждающееся в другом, природное, социальное и личностное. Он (человек) – конечное единство бытия и небытия, конкретная космо- и бионическая психическая и социальная реальность. Он – непрерывное становление и творчество.

Интересно, что, абстрактно размышляя, к человеку можно отнести все мыслимые, категориально философией заданные характеристики. Это может означать, что исторически конкретное философское учение, познавая человека, конструирует, задает его образ, норму, идеал, целесообразный культуре в ее наличном бытии. По этой, вероятно, причине культура не знает человека вообще, но хорошо знает свой образ человека, человека – норму, человека – идеал. Когда происходит разлом исторических способов бытия человека, возникает неизбежность переоценки всех ценностей и этого образа в истории культуры.

Не возникает ли в таком случае потребность различать положительную и отрицательную философскую антропологию, которые можно рассматривать как две дополнительные идейно-теоретические стратегии постижения человека? Для одной из них исходной могла бы стать идея бытия человека, для другой – идея его принципиальной непознаваемости. Не о человеке ли трактует катафатическая теология и теология апофатическая? Как поучителен этот опыт постижения человека в ином. Одной из стратегий развития философской антропологии является ее разработка как философии теологии, ее метафизики и онтологии, аксиологических, гносеологических и методологических оснований теологии в ее истории. Разработка теоретических программ постижения человека не отрицает, а предполагает его всестороннее научно-эмпирическое исследование. Все многообразие наук, созданных культурой, является в том или ином смысле науками о человеке, о различных аспектах его природы.

Философия, осмысливая многомерного человека в культуре многомерной рациональности, не может позволить себе игнорировать ни один элемент человеческого опыта, элиминируя его из поля своего умного видения. Все проявления человеческого опыта, родового опыта человечества и опыта личности, по-своему уникальные в истории, могут быть поняты как виртуальные предметы философской антропологии, взаимосвязанной со всеми областями философского познания.

Философское понимание человека культурно задано и, следовательно, ценностно ориентировано в двух, вероятно, отношениях: в аспекте

бытия и в аспекте познания. Бытие человека есть его культурное бытие. Конкретный человек есть человек наличной культуры. Познание культуры имеет конечной целью познание человека. Однако человек как личность – это и сверхкультурное бытие. Он есть конкретность, несоизмеримая с наличным бытием культуры, он не продуцируется наличной системой социально заданных ценностей. Следовательно, человек есть не столько бытие культуры, сколько ее инобытие, ее диалектическое отрицание. Он – творец культуры, он – творец ценностей. Все попытки философии типологизировать культуру, ее рациональную организацию в истории наталкиваются на феномен нетипизируемого качества в человеке, называемого личностью. Личность находится в бытии, но она сверхбытийна, личность бытийствует в мире ценностей, но она – сверхценность, так как ее сущность – быть самоценностью, ее предназначение – быть. Идея самоценности личности резюмирует всю историю человечества и открывает бесконечные возможности совершенствования культуры, бесконечные возможности творчества ценностей.

Человек как несамодостаточное, активно-деятельное и продуктивно-творческое существо нуждается в мире, в котором он живет, который он воспринимает, созерцает, изменяет, в котором осуществляет самого себя. Человек нуждается в мире природы, поскольку он является ее частью. Он овладевает природой духовно-практически посредством культуры, которая формирует социальные формы бытия человека в мире. В природно-культурном мире человек обращен к бытию другого человека и сбывается в нем. Человек нуждается в социально-культурном мире, поскольку последний определяет виртуальный универсум опредмечивания и распределмечивания его сущностных сил.

Личность как активно-деятельное и продуктивно-творческое качество человека может быть понята как свободная конкретность, как свободный конкретный дух, имеющий интенцию к бесконечности, к выходу «за пределы» наличной уникальной телесности, к желанию ее бесконечного совершенствования. Проявления личности как свободной конкретности экзистенциально противоречивы. Экзистенция может быть понята как осознанное движение конкретного духа к небытию. Логическое противоречие как отношение между утверждением и его отрицанием имеет экзистенциальное выражение. Им является отношение между бытием свободной конкретности и ее небытием. Человек решает свое экзистенциальное противоречие, он обречен на это своей природой. Он осуществляет возможность выбора между личностным бытием и небытием.

Положительный экзистенциальный выбор открывает перед Я как самосознанием моего сознания все многообразие возможностей бытия. Отрицательный экзистенциальный выбор закрывает все возможности личностного бытия, реализуя предельную экзистенциальную возможность – возможность небытия. Развивая метафизическую концепцию человеческой природы на основе методологии рационализма («Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей») [1, с. 407], Б. Спиноза постулирует: «Никакой идеи, исключая существование нашего тела, в нашей душе существовать не может: такая идея нашей душе противна». Доказательство этого положения великий голландский мыслитель осуществляет в постулативном духе: «В нашем теле не может существовать ничего, что могло бы его уничтожить», «первое и основное стремление нашей души <...> состоит в том, чтобы утверждать существование нашего тела, а потому идея, отрицающая существование нашего тела, нашей душе противна, что и требовалось доказать» [1, с. 465]. По Спинозе, первое, что составляет сущность души, есть идея актуально существующего тела.

Рационалистический метод и своеобразная онтология используются Спинозой для обоснования понятия сущности души, которая рассматривается как определяющая основное стремление нашей души. Если сущность нашей души состоит в идее актуально существующего нашего тела, то основное стремление нашей души состоит в утверждении существования нашего тела. С этим оптимистическим выводом трудно согласуется практика суицида, имеющая историю, равную, вероятно, истории человечества. Умозрительный подход новоевропейской метафизики к проблеме человека не выдерживает сопоставления с социальной реальностью.

Э. Дюркгейм, выявляя причины самоубийства, подчеркнул роль стагнации ценностных факторов в механизме этого феномена. Понимая человека как своеобразное единство «человека физического» и «человека социального» [2, с. 223–262], он показал взаимодействие норм и ценностей в формировании и поведении человека. Причем у каждого из типов самоубийств, по типологии Э. Дюркгейма, своя взаимосвязь ценностных и нормативных факторов в детерминации поведения человека. Особо следует выделить в этой типологии так называемый аномический тип, который связан с разрушением целостности ценностно-нормативных ориентиров наличного бытия культуры.

Феномен аномии значим при осмыслении статуса ценностных оснований бытия человека, их роли в жизни личности и общества,

при осмыслении способа функционирования, механизмов разрушения, преобразования и становления новой системы ценностных оснований жизни человека и общества. Аномное поведение личности есть свойство типизированного, стандартизированного, технизированного бытия инновационного общества, для которого характерна стагнация роли социальных ценностей и целей, идеалов и норм. Аномизация психологии, сознания членов социальной общности есть духовная предпосылка различных форм саморазрушения личности, в том числе и суицида. Особенностью аномного сознания и самосознания является противоречие между продуцированием однотипных ценностей и целей индивидуального успеха и массовыми отрицательными самооценками членами общества результатов собственной жизнедеятельности.

В ценностном мире аномного самосознания ценность творчества и творчество ценностей становятся исчезающей малой «величиной». Аномность самосознания и его креативность тождественны лишь формально-отрицательно, их различие содержательно. Аномность есть ценностный нигилизм, а креативность есть ценностное творчество [3].

Творческое действие человека описывается модальными понятиями возможности, действительности, необходимости, невозможности. В многообразии возможных вариантов творческого действия человек выбирает некоторые из них как под влиянием внешних обстоятельств, так и на основе ориентации на определенные ценностные реалии. Характер обусловленности творческого действия двойственный. Многозначно отношение человека к ценностям и целям, идеалам и нормам. Ценностно-нормативную обусловленность творческого действия можно описывать концептуальными оппозициями контрадикторного типа, например, понятиями номического и аномического действия. Нравственные и религиозные, эстетические и научно-познавательные, экономические и политические ценности как своеобразный закон идеального бытия определяют творческое действие посредством ориентации в выборе некоей возможности из практически неограниченного их многообразия.

В основании всех форм, видов и типов выбора находится экзистенциальный выбор. Однако экзистенциальный выбор и аксиологический связаны отношениями взаимной обусловленности. Чем обусловлен положительный экзистенциальный выбор человека? Было бы неоправданным полагать, что абсолютное большинство людей («нормальные» люди) всегда предпочитают положительное отрицательному в экзистенциальном выборе, что так было или будет всегда и что поэтому данный

вопрос является теоретическим. Философия как мышление об основаниях человеческого бытия должна ставить вопрос о природе ценности жизни, о причинах аксиологического предпочтения бытия небытию и об условиях, изменяющих или отменяющих подобное предпочтение. Конечно, человеческие сообщества на являются аналогом стай китов, время от времени выбрасывающихся на побережье океана, однако подобные феномены коллективного отрицательного экзистенциального выбора характерны и для людей.

Предпочтение человеческого бытия небытию, что, как кажется, естественно для человека, как если бы оно было обусловлено генетически, есть либо экзистенциальная интуиция, либо аксиологическая рефлексивная санкция я: самосознание разрешает себе быть. Решая быть, человек может негативно оценивать наличные способы бытия в мире. Принципиально значимо различать признание ценности человеческого бытия и возможное отрицание ценности конкретных способов наличного бытия. Отношение к небытию глубоко проникло в историю культуры. Отрицательное отношение к феномену смерти человека в бытовавших мифах и в мифологии современных народов выражается в идее бессмертия высшего существа и в идее человека, подобного творцу, но не обладающего свойством бессмертия.

В мифориентированном понимании феномена человеческого небытия актуальна роль лингвокультуры, которая обуславливает в определённых формах обрядовые действия. Известно, например, что в мифах славянских народов аксиологически отрицательный образ смерти реализуется в виде чучела человека женского пола, в культуре германских народов – мужского. Это различие можно объяснить особенностями лингвокультуры данных народов: в славянских языках слово «смерть» женского рода, в немецких – мужского. Отмеченная лингвоспецифика определила подбор исполнителей обрядов смерти: у славянских народов образ смерти в таких обрядах исполняют, как правило, девушки, у немцев – юноши.

В мифокультурах отношение к смерти и к умершему человеку амбивалентно: погребальные обычаи строятся так, что умерший и изолируется, и сохраняется в некрополях вблизи поселений; он рассматривается виртуально – и как благодетель, и как вредоносный дух.

Осмысление феномена смерти человека в научном познании и в медицинской практике подчинено, казалось бы, продлению жизни человека по его желанию, что проблематизирует в более широком контексте понимание человека как рационально действующего существа.

Творческая деятельность человека описывается концептуальными оппозициями контра-

дикторного (следовательно, и контрарного) типа. Контрадикторные концептуальные оппозиции описывают весь универсум возможностей деятельности определённого вида, а свобода человека такова, что он «все может» в том смысле, что может реализовать любую из реальных возможностей определённого универсума возможностей. Так, он может быть и/или не быть, иметь и/или не иметь, творить и/или не творить. Его деятельность может быть номичной и/или анонимной, рациональной и/или нерациональной, телеономичной и/или нетелеономичной и т. п.

Возможно, многочисленных конфликтных ситуаций между поборниками безудержной свободы самовыражения и защитниками унаследованной от прежних поколений этических принципов можно было бы избежать, если бы в 1947 г. был услышан голос Американского антропологического общества. Лидеры общества указали на проблему, которую не смогла решить принятая в том же году Декларация прав человека: «С одной стороны, справедливо подчеркнуты забота и уважение к индивидууму и его право на развитие в качестве полноправного члена общества. Однако в поддержании мирового порядка не менее важно точно такое же уважение к культурам различных человеческих групп» [4, с. 93]. Как показали последующие десятилетия, американские антропологи оказались глубоко правы, увидев конфликтный потенциал недоработанности системы прав человека: защищаются его права как индивидуализированного субъекта, но игнорируются его права как участника духовной традиции. Одномерное понимание человека заложило основы и для понимания духовной традиции как чего-то внешнего по отношению к человеку и потому не заслуживающего соответствующей защиты или хотя бы бережного отношения. В «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», принятых в 2008 г., подчеркивается, что в современном обществе права человека на практике приводят к реализации таких воззрений, которые в корне расходятся с христианским учением. Христиане оказываются в условиях, когда общественные и государственные структуры могут принуждать, а зачастую уже принуждают их мыслить и поступать вопреки Божиим заповедям, что препятствует достижению самой важной цели в жизни человека – избавлению от греха и обретению спасения. Декларация утверждает безусловную ценность всякой человеческой личности: «Человек как образ Божий имеет особую ценность, которая не может быть отнята. Она должна уважаться каждым из нас, обществом и государством» [5, с. 13]. С другой стороны, «существуют ценности, которые стоят

не ниже прав человека. Это такие ценности, как вера, нравственность, святости, Отечество <...> Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святых, угрожало бы существованию Отечества» [5, с. 14]. Относительно «прав человека» документ четко фиксирует позицию Православной церкви: «Права человека не могут быть выше ценностей духовного мира» [5, с. 15].

Вторым фактором, негативно повлиявшим на функционирование в западном мире социальных механизмов, направленных на сохранение собственного наследия, является пережитый во второй четверти XX столетия опыт немецкого национал-социализма и итальянского фашизма, получивших обобщенное название «фашизм». Абсолютное отрицание идеологии нацизма превратилось спустя несколько десятилетий после окончания Второй мировой войны в отрицание не только фашизма, но и того, что на данный момент времени казалось политическим и общественным деятелям, журналистам и философам «фашизмом». «Когда говорят “европейское наследие”, всякий уважающий себя левый интеллектual реагирует так же, как Йозеф Геббельс реагировал на слово “культура” – он достаёт свое оружие и начинает выпаливать обвинения в протофашистском европоцентристском культурном империализме» [6, с. 284]. Принятый в 2009 г. на референдуме в старейшей демократической стране Европы Швейцарии запрет на строительство мечетей вызвал у премьер-министра Турции Р. Эрдогана обвинения в росте фашистских настроений в Европе [7]. Устойчивое применение в текстах западных политологов приобрел термин «исламофашизм» [8], несмотря на отрицание связи ислама и фашизма в ряде более взвешенных публикаций [9]. Один из рупоров консервативной мысли США Дж. Голдберг связывает с фашизмом всё, особенно деятельность профсоюзов [10].

Склонность к огульному обвинению в фашизме чего угодно нашло свое осмысление в научной литературе. В 1953 г. Лео Штраусом было введено понятие *reductio ad Hitlerum*, предполагающее отвержение любой точки зрения, если её так или иначе поддерживал Гитлер [11, с. 46]. Американский писатель Майк Годвин выдвинул на заре эпохи Интернета «закон Годвина об уподоблении нацизму»: «По мере возрастания онлайн-дискуссии вероятность сравнения (оппонента) с нацизмом или Гитлером стремится к единице» [12].

Подобная специфика современного интеллектуального (и не только интеллектуального) дискурса оказала существенное негативное

влияние на готовность общества к защите своих ценностей и традиций. Боязнь получить в свой адрес огульное и бессмысленное обвинение в нацизме приводит к страху показать свою приверженность к какой-либо традиции или ценностям, кроме крайне либеральных, вообще. Государство, которое призвано защищать и охранять культурное и духовное наследие страны, легко от него отказывается в угоду мнению меньшинств, которые уже давно не испытывают давления, а изобретают новые поводы для борьбы с мнимой дискриминацией [13, с. 43–47].

В рамках информационного общества человек с детского возраста подвергается значительного уровня информационному воздействию со стороны различных культур и псевдокультур (как реальных, так и фэнтезийных), ему предлагается, а часто навязывается ознакомление с совершенно различными духовными и псевдодуховными практиками. Времени и физических возможностей на изучение какой-либо из предложенных культурных традиций у человека, как правило, не остается, в результате чего поверхностная осведомленность о разных культурах переходит в глубокое невежество относительно культуры собственного народа. Нередким результатом навязанного знакомства с «традиционными ценностями» является воспитание недоверия и равнодушия к духовной сфере вообще и замыкание в личном социальном успехе либо деградации. Для молодого поколения данная ситуация отягощается частой погруженностью в «традиции», имеющие виртуальный характер – так называемые «косплеи» (костюмированное воспроизведение миров книг и фильмов в стиле «фэнтези»), а также создание глобальных компьютерных миров со своей многоаспектной культурой, погружение в которую в рамках игрового процесса может занять у человека целые месяцы, а с учетом общего количества таких игр – годы. Например, в игровой вселенной известной серии компьютерных игр «Древние свитки» («The Elder Scrolls») персонажи игроков встречаются в городах и пещерах компьютерного мира сотни различных «книг» общим объемом в несколько тысяч страниц, формирующих своеобразную и довольно целостную «культурную надстройку» игрового пространства – от мифов и исторических хроник до алхимических рассуждений и вульгарных рассказов. Широкий выбор увлекательных и красочных культурных «традиций», не требующих от человека принятия этических решений не виртуального характера, формирует также и ложное представление о традициях реальных. Последствия такого переноса норм виртуального мира на реальный очевидны в преступлении, совершенном норвежцем А. Брейвиком, усвоившим своего рода «фэнтезийное»

понимание христианства как всего лишь внешней традиции, без какого-либо жизненного понимания содержания данной традиции [14, с. 34–40].

Становление инновационной экономики и обусловленные ею постоянные изменения в жизненном мире и жизненном опыте человека являются еще одной из основных причин нарушения механизмов передачи духовного и жизненного опыта. Люди вынуждены постоянно приспосабливаться к изменениям в быту, которые претерпевают несколько циклов за время жизни одного поколения. В процессе приспособления опыт предшествующих поколений уже не может быть применен и потому не имеет практической ценности. В прежние эпохи в крестьянской, охотничьей либо мастеровой семье, из поколения в поколение занимающейся одним и тем же делом, опыт и силы старших имели практическую пользу для младших. В какой день начать посев, какую кожу выбрать для изготовления сапога, какому зверю или птице принадлежит тот или иной след – все эти неустаревающие практические знания о мало меняющемся мире были базовым связующим звеном межпоколенческой коммуникации и передачи опыта. При ускорении темпа изменений, начавшихся с индустриальной революции и значительно ускорившихся при переходе к постиндустриальной экономике, в профессиональной деятельности и социальной жизни человека опыт, достижения, эстетические предпочтения старших поколений стали не просто не интересными для их современных потомков, но порой и непонятными. Разные поколения, действительно, стали говорить на разных языках о разных вещах. Разрыв между поколениями подчеркивается также возникшей в индустриальную эпоху практикой социализации новых поколений. Они не ощущают свою взаимную ответственность в отношении общей земли, ее прошлого, настоящего и будущего, культурного и природного достояния. Нарушение механизма передачи духовного опыта приводит к негативным последствиям, с которыми столкнулось большинство современных обществ.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что аксиологический выбор человека и общества историчен по своей природе, по генезису. Он обозначен горизонтом проблем наличного бытия, который осмысливается в культуре. Творческая, сверхнормативная, сверхкультурная природа личности оставляет открытой возможность гармонизации человечества в условиях наличного культурно-аксиологического релятивизма.

Образец для цитирования:

Мартынович С. Ф., Орлов М. О. Ценностные основания бытия человека: философский и социокультурный анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 398–404. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-398-404.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации «Светское и религиозное образование: этика конфликта в условиях социального многообразия» (проект № МД-104.2013.6. (2013–2014)) и РФФИ (проект № 15-33-12009 «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс»).

Список литературы

1. Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произв. : в 2 т. М., 1957. Т. 1. 407 с.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. 399 с.
3. Орлов М. О., Мокин Б. И. Человек – ты кто? Историко-философский анализ проблемы человека в аспекте организационной концепции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 40–47.
4. Щаранский Н. ID : identity и её решающая роль в защите демократии. М. ; Иерусалим, 2010. 263 с.
5. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Приняты Архиерейским собором РПЦ. М., 2000. 18 с.
6. Жижек С. Щекотливый субъект. Отсутствующий центр политической онтологии. М., 2014. 528 с.
7. Эрдоган : Запрет минаретов – признак фашизма // Аль-Бурак. Ислам в России и за рубежом : [официальный сайт]. URL: http://islaminnussiaandabroad.blogspot.ru/2009/12/blog-post_5585.html (дата обращения: 15.01.2015).
8. Podhoretz N. World War IV: The long struggle against islamofascism. N.Y., 2007 // Air Power Australia. URL: <http://www.ousairpower.net/DT-Islamo-Fascism-2007.html> (дата обращения: 15.01.2015).
9. Safire W. Islamofascism // The New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2006/10/01/magazine/01wwln_safire.html?_r=3& (дата обращения: 15.01.2015).
10. Голдберг Дж. Либеральный фашизм. М., 2012. 512 с.
11. Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007. 312 с.
12. Godwin M. Meme, counter-meme // Wired. URL: http://archive.wired.com/wired/archive/2.10/godwin.if_pr.html (дата обращения: 15.01.2015).
13. Орлов М. О. Категориальный анализ энергийных составляющих динамики социума // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6, вып. 1. С. 43–47.
14. Орлов М. О. Дискурсивное управление социальной динамикой глобальных процессов: социально-политическая сфера // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 34–40.

Value Foundations of Human Existence: Philosophical and Sociocultural Analysis

Sergey F. Martynovich, Mikhail O. Orlov

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: orok-saratov@mail.ru, ssmart@mail.ru

The article analyzes the fact that all concepts of philosophy are ultimately focused on human cognition. Historical and philosophical thought tries to comprehend and express in the language the paradoxical nature of man, the essence of the personality as the being of man in the world. Man is a being characterized by the dualism of the Titanic and Dionysian principles, the unity of the soul and body. It is established that in a philosophical discourse a person is understood as being a reasonable and political being, active and productive, not self-sufficient and in need of another subject, natural, social and personal. All this testifies to the anthropic unity of being and non-existence, natural and cultural reality. The basic categories of European philosophy for describing the existence of man in the world are continuous formation and creativity. Historically, a concrete philosophical doctrine, knowing a person, constructs its image, norm and ideal, they correspond to a specific society and culture in its actual being. For this reason, culture does not possess the concept of a person as such, but knows well the specific historical, value, scientific and legal image of a subject that is revealed in norms, ideals and values. As the study shows, in the critical and catastrophic periods of the life of the society there is a breakdown in the historical ways of being a person, there arises the inevitability of reassessing all values, the image of a person in the history of culture. In these conditions, philosophers, understanding a multidimensional person in a space of multidimensional rationality, can not afford to ignore any element of human experience, eliminating it from the field of their intellectual consideration. Philosophical understanding of man is given by a specific culture and, consequently, is value-oriented. In two respects: in the aspect of being and in the aspect of cognition.

Key words: ontology and epistemology, axiology of human being and society, history of western philosophy, social analysis of modern civilization.

Acknowledgements: *The work was supported by the grant of the President of the Russian Federation "Secular and religious education: ethics of the conflict in conditions of social variety" (project no. MD-104.2013.6. {2013–2014}) and the Russian Foundation for Basic Researches (project no. 15-33-12009 "Russia in 1917: institutional resource, social risks and civilization collapse").*

References

1. Spinoza B. *De Ethics*. Chicago, 1993. 697 p. (Russ. ed.: Spinoza B. *Etika*. Spinoza B. *Izbr. proizv.*: v 2 t. Moscow, 1957, t. 1. 407 p.).
2. Durkheim E. *On suicide*. Glencoe, 1951. 405 p. (Russ. ed.: Durkheim E. *Samoubiystvo*. Moscow, 1994. 399 p.).
3. Orlov M. O., Mokin B. I. Chelovek – ty kto? Istoriko-filosofskiy analiz problemy cheloveka v aspekte organizatsionnoy konceptsii [People – you who? The historico-philosophical analysis of a problem of the person in aspect of the organizational concept]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 40–47 (in Russian).
4. Shcharanskiy N. *ID: identity i ee reshayushhaya rol v zashhite demokratii* [ID: identity and its crucial role in protection of democracy]. Moscow, Ierusalim, 2010. 263 p. (in Russian).
5. *Osnovy sotsialnoy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Prinyaty Arhiereyskim soborom RPTs* [Bases of the social concept of Russian Orthodox Church. Are accepted by the Hierarchal cathedral of ROC]. Moscow, 2000. 18 p. (in Russian).
6. Zhizhek C. *Ticklish subject. The absent center of political ontology*. London, New York, 1999. 480 p. (Russ. ed.: Zhizhek S. *Shchekotlivyy subekt. Otsutstvuyushhiy tsentr politicheskoy ontologii*. Moscow, 2014. 528 p.).
7. "Erdogan: Zapret minaretov – priznak fashizma" ["Erdogan: The ban of minarets – a fascism sign"]. *Al-Burak. Islam v Rossii i za rubezhom* [Islam in Russia and abroad. Official site]. Available at: http://islamirus-siaandabroad.blogspot.ru/2009/12/blog-post_5585.html (accessed 15 January 2015) (in Russian).
8. Podhoretz N. *World War IV: The long struggle against islamofascism*. New York, 2007. *Air Power Australia*. Available at: <http://www.ausairpower.net/DT-Islamo-Fascism-2007.html> (accessed 15 January 2015).
9. Safire W. *Islamofascism*. *The New York Times*. Available at: http://www.nytimes.com/2006/10/01/magazine/01wwln_safire.html?_r=3& (accessed 15 January 2015).
10. Goldberg J. *Liberal fascism*. New York, 2009. 498 p. (Russ. ed.: Goldberg Dzh. *Liberalnyy fashizm*. Moscow, 2012. 512 p.).
11. Strauss L. *Absolute law and history*. London, 1992. 241 p. (Russ. ed.: Strauss L. *Estestvennoe pravo i istoriya*. Moscow, 2007. 312 p.).
12. Godwin M. Meme, counter-meme. *Wired*. Available at: http://archive.wired.com/wired/archive/2.10/godwin.if_pr.html (accessed 15 January 2015).
13. Orlov M. O. Kategorialnyy analiz energiynykh sostavlyayushchikh dinamiki sotsiuma [Categorical analysis of the energetic components of the dynamics of society]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2006, vol. 6, iss. 1, pp. 43–47 (in Russian).
14. Orlov M. O. Diskursivnoe upravlenie sotsialnoy dinamiko globalnykh protsessov: sotsialno-politicheskaya sfera [Diskursiv management of social dynamics of global processes: socio-political sphere]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2009, vol. 9, iss.1, pp. 34–40 (in Russian).

Cite this article as:

Martynovich S. F., Orlov M. O. Value Foundations of Human Existence: Philosophical and Sociocultural Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 398–404. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-398-404.